

МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ Л. В. ШУБНИКОВА¹

Из научной переписки

К. Мендельсон — Т. Берлинкурту

UNIVERSITY OF OXFORD
DEPARTMENT OF PHYSICS

Clarendon Laboratory. Parks Road. Oxford

From:
Dr. K. Mendelssohn, F.R.S.

27.9.63

Dr. T.G. Berlincourt,
Atomics International,
Box 309, Canoga Park,
California, USA

Dear Dr. Berlincourt,

It was extremely nice of you to send me a copy of your own paper, as well as a translation of Shubnikov's paper published in 1937. This is indeed of considerable help in assessing the earlier developments. At that time the Stalin Purge was only beginning, and I was very puzzled at the blanks I drew in trying to get in touch with Shubnikov. In 1957 Landau introduced me in Moscow to Shubnikov's widow, Olga Trapeznikova, who also is a physicist. She told me that her husband had just been exonerated posthumously from all his charges. This made it possible for Abrikosov to refer to Shubnikov's papers, since up to then Soviet etiquette required that anyone who had disappeared in the purged had never lived...

With kind regards,

Yours sincerely

K. Mendelssohn

Х. Казимир — Ю. Ранюку

Dr. Ranyuk Yuri
Physical-Technological Institute
310108 Kharkov, USSR

Dear Dr. Ranyuk,

Prof. Van der Woude passed on to me your request that I should write some personal recollections about Schubnikow, but, unfortunately, I did not know him at all well.

During his first stay at Leiden, which led to the publications of 1930 (Proc. Kon. Acad. Amsterdam, 33, pages 130, 363, 418, 433 reprinted as Communications from the Kamerlingh Onnes Laboratory, Nos. 207a, 207d, 210a, 210b) I was a young student of theoretical physics. I was hardly aware of what was going on in the laboratories and moreover I spent part of the time at Copenhagen.

During his second stay he extended the measurements of the magnetoresistance of bismuth to liquid helium temperatures. The results were even more spectacular than those at liquid hydrogen temperatures. (Physica 2, 907, 1935 and Communications No. 237b). I was then well aware of his existence, but I do not remember any discussions or conversations.

My wife, who worked in the Kamerlingh Onnes Laboratory at that time, remembers him well. He was in those days a man of few words, but he was always kind and courteous and generally appreciated as a capable physicist and a loyal colleague.

It is only much later that I came to fully realize the importance of Schubnikow's pioneering work. By showing that the elimination of minute traces of impurities by repeated recrystallization can have a most striking influence on electrical properties he anticipated what later became the bread and butter of semiconductor specialists. Schubnikow's work also

1 Материалы подготовлены к печати С. А. Гредескулом, Л. А. Пастуром, Ю. Н. Ранюком и Ю. А. Фрейманом.

stimulated a detailed analysis of the energy bands of bismuth.

I am afraid that is all I can contribute. His closest collaborator at Leiden, J. W. Blom, died several years ago. So did J. Voogd and E. C. Wiersma, who knew him well.

Best wishes

H. B. G. Casimir

P.S. You are, of course, aware of the article by Verkin and others in «Priroda», N 1, 1989.

Выступление Л.В.Шубникова на заседании комиссии по чистке первичной организации КП(б)У Украинского физико-технического института (УФТИ)¹

Выводы о работе парторганизации института, понятно, тесно связаны с выводами о работе всего института. Эти выводы очень напоминают самобичевание, но не выводы о работе парторганизации.

В этих выводах мы видим исключительно отрицательные стороны работы института. Эти выводы производят впечатление смертного приговора как институту, так и парторганизации. Я считаю, что самое важное в них упущено, а именно: что начиная с 1930 года, т. е. с того момента, когда началось строительство института, и сравнивая его в настоящее время – институт является самым крупным, самым оборудованным лучшим техническим оборудованием институтом, научный уровень работников нашего института стоит выше всех институтов, темпы работы нашего института превосходят темпы работы всех институтов в Союзе, темпы развития работы института идут настолько быстро, что через год или два мы выйдем на одно из первых мест в Европе.

Та колossalная работа, которая проделана в институте, в выводах комиссии совершенно не

видна, также не отражена роль парторганизации в этой работе.

Несомненно, что работа парторганизации была слабой, число партийных работников в нашем институте было недостаточно, но, несмотря на это, несомненным является и то, что роль парторганизации в достижениях института имеется.

Я не буду останавливаться на отдельных пунктах выводов, с которыми я не согласен. Все отдельные недочеты парторганизации, они верны, нельзя никогда никого и ни в чем найти идеального, всегда имеются изъяны, вопрос только в том, насколько опасен изъян. Конечно, все изъяны, указанные в выводах, являются опасными, и по ним, конечно, нельзя характеризовать парторганизацию УФТИ как нездоровую.

Выводы комиссии гласили: «Парторганизация, в целом, является идеологически невыдержанной и нездоровой».

Реабилитированы посмертно

Документальная история реабилитации Л. В. Шубникова, Л. В. Розенкевича и В. С. Горского

Ю. Н. Ранюк (ХФТИ), Ю. А. Фрейман (ФТИИТ АН Украины)

Подготовке к опубликованию настоящего материала предшествовало письмо, направленное дирекцией Харьковского физико-технического института руководству Управления Комитета

Государственной безопасности по Харьковской области. Ниже приводится текст этого письма.

1 Архив Харьковского обкома КПСС, фонд № 99, опись № 3, дело № 330 стр. 52 – 53 (стенограмма заседания комиссии по чистке парторганизации УФТИ от 7. 12. 34 г.).

«Уважаемые товарищи!

Харьковский дважды орденоносный Физико-технический институт был основан в 1928 году. Он стал форпостом новой физики в стране. Уже в 1932 году в институтах впервые в стране было расщеплено атомное ядро искусственно ускоренными протонами, что положило ачало ядерно-физическому исследованием. Примерно в это же время в институте начала работать первая в СССР криогенная лаборатория. Ученые Харькова принимали самое активное участие в создании ядерного и термоядерного оружия. В институте работали многие выдающиеся советские и зарубежные ученые. Еще до войны ХФТИ с целью обмена опытом посетило около десяти ученых из разных стран, ставших Нобелевскими лауреатами. Таким образом, история ХФТИ — это весомая часть истории физики.

К сожалению, волна репрессий 30-х годов безжалостно прошлась и по Физико-техническому институту. И хотя все репрессированные были впоследствии реабилитированы, общая картина репрессий среди сотрудников ХФТИ неизвестна. Этому способствует то обстоятельство, что архивы ХФТИ, эвакуированные во время войны, видимо, безвозвратно утрачены. Просим Вас сообщить нам максимально возможное количество содержащейся в Ваших архивах информации о нижеперечисленных сотрудниках ХФТИ:

1. Обреимов Иван Васильевич, бывший директор
2. Лейпунский Александр Ильич, бывший директор
3. Давидович Семен Абрамович, бывший директор
4. Шубников Лев Васильевич, руководитель криогенной лаборатории
5. Горский Вадим Сергеевич, физик
6. Розенкевич Лев Викторович, физик
7. Гусак Иван Максимович, физик
8. Комаров Петр Фролович, физик
9. Фомин Валентин Петрович, физик
10. Корец Моисей Абрамович, физик
11. Ландау Лев Давидович, руководитель теоретического отдела
12. Николаевский Константин Александрович, административный работник

Были подвергнуты репрессиям иностранные ученые, работавшие в ХФТИ:

1. Вайссберг Александр Семенович, физик
2. Штраккер Ева (жена Вайссберга), физик
3. Хоутерманс Фридрих Оттович, физик

Нельзя сказать, что нам ничего не известно о судьбе упомянутых наших коллег. В 1990 г. в издательстве «Наукова думка» вышли книги «А.И. Лейпунский» и «Л. В. Шубников», подготовленные соответственно обнинским Физико-энергетическим институтом и харьковским Фи-

зико-техническим институтом низких температур АН Украины. Интересующий нас период в этих книгах отражен по воспоминаниям нынешних и бывших сотрудников ХФТИ, в том числе и иностранцев. Известна также книга Александра Вайссберга «Россия в горниле чисток», изданная во Франкфурте-на-Майне в 1951 году.

Этого, однако, явно недостаточно.

В периодической печати иногда проскальзывают фамилии репрессированных сотрудников нашего института, о которых сейчас никто не помнит. Так, например, в «Литературной газете» за 1990 г. была опубликована статья об инженере ХФТИ, ученике Ландау Георгии Демидове, друге писателя Варлама Шаламова Не так давно в харьковское общество «Мемориал» поступили сведения об австрийском ученом Вайсельберге Конраде Бернардовиче, якобы работавшем в ХФТИ и расстрелянном в 1937 году. До сих пор считалось, что никто из работавших в ХФТИ иностранцев расстрелян не был. Просим посмотреть дела, если таковые имеются, и на этих двух вероятных сотрудников ХФТИ. Ученый совет ХФТИ, полагая, что ХФТИ не может стоять в стороне от пересмотра своей истории и ликвидации в ней белых пятен, принял соответствующее решение и назначил комиссию по сбору материалов, посвященных довоенной истории института, в составе докторов физико-математических наук Ю. Н. Ранюка, М. П. Рекало и аместителя директора института В. А. Михайлова. Еще раз просим Вас в интересах истории науки предоставить нам имеющиеся у вас сведения, касающиеся перечисленных сотрудников нашего института, а также любые сведения, которыми Вы располагаете и о которых мы не запрашиваем лишь потому, что ничего о них не знаем".

Директор ХФТИ академик В. Ф. Зеленский

Реакция на письмо была положительной, и членам комиссии была предоставлена возможность ознакомиться с некоторыми из хранящихся в харьковских архивах дел. Наиболее впечатляющим среди них, несомненно, является дело научных руководителей УФТИ Шубникова, Горского и Розенкевича — как по трагизму его исхода, так и по обилию документального материала, представляющего интерес для современного исследователя. Этот интерес вызван естественным желанием дописать последнюю строку и поставить точку в биографиях крупных советских ученых, а также разобраться в причинах репрессий среди физиков. Трагическая гибель Шубникова, Розенкевича и Горского до сих пор волнует всех, кто знал их лично или только по работам. Без этого история советской физики была бы явно ущербной.

При постановке вопроса о публикации материала возникает целый ряд проблем. Небросит ли она тень на подвергшихся репрессиям ученых, не причинит ли новую боль их родственникам и не внесет ли нежелательный элемент во взаимоотношения живущих ныне людей? Не лучше ли навсегда похоронить эти архивы в хранилищах или совсем избавиться от них? Видимо, нет, поскольку это часть нашей истории, от которой нам нигде не деться.

Пока решался непростой вопрос о целесообразности опубликования настоящих материалов, произошло событие, ускорившее его положительное решение.

В третьем номере журнала «Известия ЦК КПСС» за 1991 год опубликованы материалы из архива КГБ «За что был арестован Л. Ландау». Имея, таким образом, прецедент и ощущая большой интерес к так называемому «делу УФТИ» — делу Шубникова, Розенкевича и Горского, — мы сочли целесообразным начать публикацию доступных нам материалов. К делу подшито 250 листов различных документов, и его условно можно разбить на две части. Первая часть содержит материалы 1937 года, относящиеся к аресту, следствию и вынесению приговора. Вторая часть состоит из документов, составленных в 1956 году в процессе посмертной реабилитации погибших. Мы предпочли начать публикацию со второй части, поскольку она дает общую картину репрессий в УФТИ и их позднейшую оценку крупными учеными и юристами.

№ 1

ТЕЛЕГРАММА¹

Из Киева записано по пров. Харьков, НКВД, Шумскому.

По делу «Катод — Кредо» — Шубникова Льва, Комарова Петра и Розенкевича Льва арестуйте. Аресты согласованы Москве НКТП, Межлаук, прокурором Леплевским. НР 45804 Иванов.

Передано 24. 07. 37, 7 час 26 мин.
(на телеграмме резолюция «Тов. Резников, срочно передайте».)

№ 2

МЕМОРАНДУМ

на Шубникова Льва Васильевича, 1901 года рождения, уроженца г. Ленинграда, русский, гражд. СССР, беспартийный, с высшим образованием, по специальности инженер-физик, работает в УФТИ научным руководителем лаборатории низких температур.

Шубников является участником контрреволюционной группы специалистов в УФТИ, возглавляемой профессором Ландау. Контрреволюционная группа в УФТИ, в которую входит Шубников, ставит своей задачей срыв оборонных исследований института, дезорганизацию всей работы.

Имея в виду активное участие в группе иноспециалистов-немцев, разрабатываемых по ш/п (шпионско-подрывной — Ред.) деятельности и близко связанных с Шубниковым, есть основания подозревать и его участие в ш/п деятельности.

Шубников в 1921 году, будучи студентом ленинградского института, под видом катания по Ладожскому озеру бежал в Финляндию, откуда перебрался в Берлин, где проживал около 2-х лет, после чего возвратился в СССР. Шубников проживал в Ленинграде, был близко связан с наиболее реакционной частью ЛФТИ — Ландау, Иваненко и др. Последний в период убийства т. Кирова был арестован и сослан за к/р (контр-революционную — Ред.) деятельность.

В Харьков Шубников приехал из Ленинграда вместе с профессором Ландау.

В апреле месяце 1936 года секретно снят и допрошен член контрреволюционной группы Розенкевич, который подтвердил наличие в УФТИ к/р группы, руководимой профессором Ландау.

В числе прочих участников группы он назвал себя и Шубникова, причем указал, что начало свое к/р группы берет еще с 1930 г., с ЛФТИ, где она была организована Иваненко, Френкелем и невозвращенцем профессором Гамовым.

Впоследствии Розенкевич от части своих показаний отказался, подтвердив существование к/р группы в ЛФТИ.

В своих первых показаниях Розенкевич показал о проводившихся конспиративных совещаниях к/р группы УФТИ на квартирах Шубникова и Ландау.

Отрицание Розенкевичем части своих показаний по УФТИ решительного значения для дела не имеет, так как аналогичные данные, за исключением сведений по ЛФТИ, у нас имеются и агентурного порядка.

1 Во всех документах сохранены стиль и орфография оригинала.

Совершенно понятно, что Розенкевич отказался от своих показаний по поручению Ландау и Шубникова, с которыми он несомненно поделился результатами своего визита в НКВД.

Шубников и вся к/р группа, ставя своей задачей срыв работ оборонного значения, организуют склоку против директора УФТИ, члена КП(б)У Давидовича, твердо поставившего вопрос о спецтематике, компрометируют и добиваются его ухода с работы.

Наряду с этим, участники группы с участием Шубникова изгоняют из института ряд научных работников, ведущих оборонные исследования (Репейкин (очевидно, Рябинин — Ред.), Кравченко, Пятигорский и др.), срывая работу.

Таким образом были сорваны исследования (масло как взрыввещество, приборы для высотных полетов, невоспламеняющееся горючее для аэростатов и др.).

Все эти работы, имеющие огромное значение для обороны страны, уже в процессе их разработки были сорваны Шубниковым.

Группа добилась такого положения, когда в УФТИ работам оборонного характера должного внимания не уделяется.

Шубников дважды помещал в иностранных журналах результаты своих исследований, представляющих оборонное значение.

Шубников, Ландау и др. ввели в практику объявление «забастовок» как протеста против общественности.

Преподавая в Харьк. Госуниверситете, Ландау и Шубников допускали ряд а/с (антисоветских — Ред.) выпадов против диалектического материализма как науки, на основании чего им было предложено публично раскритиковать свои ошибки. Ландау и Шубников категорически отказались от признания этих ошибок, в виде протеста бросили работу вместе с рядом работников УФТИ, преподававших в ХГУ.

Аналогичные забастовки были объявлены Ландау и Шубниковым в УФТИ и по другим поводам.

Учитывая совершенную очевидность наличия в УФТИ кортреволюционной группы, мы полагаем необходимым для разворота дела произвести арест Шубникова.

Бр. нач. 1 отделения 3 отдела УКБ
мл. лейтенант госбезопасности Резников

Согласен: зам. нач. III отд. УГБ
капитан госбезопасности Торнуев

Утверждаю: Врио. Нач. ХОУ НКВД
Полковник
(1937?) Шумской

№ 3

У С С Р
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
ХАРЬКОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

ОРДЕР № 32
Выдан 5. VII. 1937 г.

Действителен 2 суток.
Сотруднику Харьковского Областного Управления НКВД
УССР Младшему лейтенанту
Зеленченко Ефиму Рогунскому
поручается произвести обыск и арест гр-на
Шубникова
Льва Васильевича
проживающего в г. Харькове
д/я Чайковского, д. 16 кв. 19

Всем органам Советской Власти и гражданам УССР
надлежит оказывать законное содействие предъявителю ордера
при исполнении им возложенных на него поручений.

Зав. Управлением УГБ НКВД УССР
Харьковск. обл. Уголовное розыскное управление
Лейтенант Госбезопасности

Лейтенант Госбезопасности
Харьковск. обл. Уголовное розыскное управление
Лейтенант Госбезопасности

№ 4

У С С Р
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
ПРОТОКОЛ ОБЫСКА

1937 г., августа б дня. Я, сотрудник Харьк. обл.
Упра. УГБ НКВД УССР — Вайсбанд на основа-
нии ордера Харьковск. обл. Упра. УГБ НКВД УССР
за № 32 произвел обыск у гр-на Шубникова Льва
Васильевича, проживающего в г. Харькове по ули-
це Чайковского, в доме № 16, кв. № 9.

При производстве обыска присутствовали: Пев-
ный Б. Н., Панфилова З. П., Трапезников Н. В.,
Трапезникова О. Н., жена обыскиваемого.

Согласно полученным указаниям задержан гр.
Шубников Лев Васильевич.

Изъято для представления в Харьковское обл.
Управление УГБ НКВД УССР следующее:

№ п/п	Наименование изъятого	Количественное состояние	Качество
1.	Паспорт Шубникова Л.В.	1	№ 747242
2.	Профбилет «	1	№ 169647
3.	Военный билет " "	1,	
4.	Фотокарточек разных	16 шт.,	
5.	Личные письма разные	22,	
6.	Карманных записных книжек	3,	
7.	Переписка на Вирсма	16 листов,	
8.	План г. Берлина	1,	
9.	" г. Лейдена	1,	
10.	Удостоверение Шубникова	1,	
11.	Переписка между Трапезниковой и Шубниковым	1 пачка,	
12.	Переписка разная	15,	

Жалобы на неправильности, допущенные при производстве обыска, на пропажу вещей и документов — жалоб не поступало.

В протокол все занесено правильно, протоколами прочитан, в чем подписываемся:

Обыскиваемый

Представитель Домоуправления (Левный, Панфилова)

Производивший обыск (Вайсбанд)

Копию протокола получил (Трапезникова)

П р и м е ч а н и я :

1. Все претензии, заявления должны быть внесены в протокол до его подписания. После подписи никакие жалобы и заявления не принимаются.
2. За справками обращаться в Харьк. Обл. Управ. УГБ НКВД УССР по адресу: Чернышевская, 19. Бюро пропусков. 7-95-00 Коммутатор НКВД, т. Резников

№ 5

ОЧНАЯ СТАВКА¹

... На следующий день, около полуночи, окошко в двери снова отворилось.

— На букву «В»?

Кроме меня в камере было еще трое на букву «В». Должны были, стоя под дверью, шепотом называть солдату свою фамилию. Я был последним. Забрал меня с собой. На этот раз я был доставлен прямо в кабинет Торнуева. У стола, повернувшись ко мне спиной, сидел заключенный. Торнуев велел мне занять место с другой стороны стола. Охранник с дубинкой в руке расположился за мной настороже. Как только заключенный начал говорить, я его узнал. Это был Шубников.

Торнуев держал в руках подписанный Шубниковым протокол. Потребовал, чтобы повторил свои показания. Шубников сказал: «Вайссберг прибыл в наш институт в 1931 году. Прибыл из Германии. Зазербовало его гестапо. Должен был организовать у нас саботаж и шпионскую деятельность. Хотел меня завербовать на эту деятельность. Однако, поскольку я уже был с 1924 года агентом немецкого шпионского управления, я отказался быть завербованным Вайссбергом. С тех пор мы работали параллельно, но без связи».

Шубников не осмеливался смотреть мне в глаза, когда бормотал эти показания. Выглядел человеком надломленным, хотя по нему не видно было никаких следов плохого обращения. Почему подписал эти безумные показания? Шубников, несомненно, был личностью выдающейся. В институте ценили его силу воли и энергию. Был человеком неуступчивым. Как им удалось его так обработать?² Торнуев обратился ко мне:

— Подтверждаете ли показания обвиняемого Шубникова?

Не отвечая Торнуеву, я обратился прямо к Шубникову:

— Лев Васильевич, вы с ума сошли? Как вы могли подписать этот бред?

1 Отрывок из книги Александра Вайссберга-Цибульского «Большая чистка». Александр Семенович Вайссберг-Цибульски (Alex Weissberg) работал в УФТИ с 1931 по 1937 г. Получил образование в области технической физики в Вене, работал в Институте физики при Высшей Технической Школе в Берлине. Был одним из организаторов и ответственным секретарем журнала «Соффи» (Physikalische Zeitschrift der Sowjetunion). Арестован НКВД в марте 1937 г. В 1940 г. в составе группы из нескольких десятков бежавших от Гитлера немецких и австрийских коммунистов и социалистов был передан офицерами НКВД в гестапо. Бежал из концентрационного лагеря, принимал участие в Варшавском восстании. Умер в Париже в 1964 г. В своей книге одним из первых (первое немецкое издание книги под названием «Нексенсабба» вышло в 1951 г. с предисловием А. Кестлера), задолго до появления книг «Архипелаг Гулаг» А. Солженицына и «Большой террор» Р. Конквеста, рассказал миру о системе репрессий в СССР. Книга получила широкую известность (по крайней мере среди ученых) и была переведена на многие языки мира. На русском языке книга до сих пор не издана.

Описываемая очная ставка имела место 5 октября 1937 г. в центральном здании НКВД в г. Харькове.

2 Несколько вариантов ответов на этот вопрос А. Вайссберг приводит в своей книге. Один из них приведен в документе № 6.

Но продолжить мне не удалось. Торнуев вмешался громовым голосом:

— Не имеете права разговаривать с обвиняемым. Можете только отвечать на мои вопросы. Да или нет?

— Нет! Отрицаю это.

Торнуев сформулировал свой вопрос более подробно. Я на все отвечал отрицательно. Он не пытался оказать на меня давление. Когда Шубникова уводили, я набрался смелости и закричал:

— Шубников, ради бога, откажитесь на суде от своих показаний!

Охранник, идущий за мной следом, нанес мне сильный удар по голове. На этом допрос закончился.

№ 6

БОЛЬШОЙ КОНВЕЙЕР

...Через несколько дней я был вызван на допрос. Меня привезли на машине в центральное здание ГПУ, но вместе того чтобы препроводить прямо в кабинет следователя, отправили в подвальное помещение внутренней тюрьмы. Там меня заперли в одиночке...

Ночь я провел в камере в подвале. На следующий день меня отвели к Резникову. Резников ждал меня стоя.

— Я получил сейчас из Луганска информацию о Вас, от которой у меня просто кровьстынет в жилах. Вы совсем не тот, за кого мы Вас принимали. Вы не мелкая пешка, а гроссмейстер контрреволюции. Вот здесь, читайте!

Он сел и подал мне несколько страниц протокола. Я начал читать.

Прочитав две страницы, отложил листы и спросил Резникова:

— Гражданин следователь, скажите мне откровенно, принимаете ли Вы все это всерьез или хотите только поиздеваться надо мной?..

Резников встал. Лицо его покраснело. Он медленно приближался ко мне. Я попятился в угол кабинета. Резников шел за мной. Остановился в шаге от меня и начал говорить сдавленным голосом:

— Что, осмеливаешься обвинять органы Советской власти в том, что мы заставляем давать фальшивые признания? В. признал свою вину по собственной воле, а ты набрался смелости с этим спорить? Зачем бы ему понадобилось признаваться, если бы он был невиновен? Что твой преступный мозг еще придумал?

Я зашел слишком далеко. Сказать им прямо в глаза, что они вынудили дать эти показания под пытками, было опасно...

— На этот раз не удастся выкрутиться! Теперь мы держим тебя за шиворот! Твоя вина нам известна, и ты сам знаешь это прекрасно. Нам уже не

нужно твоё признание, чтобы осудить тебя, нам нужно загрести всю сеть твоей организации. Ты должен назвать людей, которые тебя завербовали, и тех, кого ты завербовал. От кого ты получил директивы на террористические акты против руководства партии и государства?

— Ни от кого.

Сообщи подробно об изменнической организации, которую создал на нашей территории.

— Не знаю ни о какой организации.

За все время следствия мне еще не приходилось пережить того, что сейчас наступило. Резников непрерывно выкрикивал одни и те же фразы. Продолжалось это в течение четырех часов. Я думал, что Резников должен вскоре сломаться, но у него был сильный голос. Находил все новые оскорблении, такие, что я не могу их здесь назвать и от которых покраснел бы любой уголовник. Через четыре часа, видимо, устав, Резников встал — я уже надеялся на перерыв в допрос и возвращение к себе. Но оказалось, что я поторопился.

— У меня уже нет на тебя времени. Товарищ Вайсбанд продолжит допрос.

Вайсбанд был одним из трех заместителей Резникова. В общем, гораздо менее назойливым, чем его начальник... Некоторое время спрашивал меня о том, о сем, я вяло отвечал. Он в это время читал газету и занялся своими бумагами. Потом ни с того, ни с сего захотел узнать, собирался ли я также взорвать Тракторный завод. Говорил, однако, об этом таким тоном, как будто высматривал о моих планах на отпуск. Я хотел ответить иронично, но побоялся его дразнить.

Допрос продолжался до наступления ночи. Я был бесконечно измучен. Думал, что вскоре они вынуждены будут прекратить и отослать меня «домой». Случилось иначе.

В десятом часу вечера Вайсбанд передал ведение допроса Шалиту. Это был молодой человек лет 22 – 23. У него были светлые с пепельным оттенком волосы, был среднего роста, смуглый, и выглядел чуть ли не мальчиком. За время моего пребывания в тюрьме я познакомился с очень многими следователями, но ни к кому не ощущал такой ненависти, как к этому младенцу... Это был типичный карьерист, лишенных каких-либо сомнений. Был мелкой сопшкой на уровне сержанта или даже ниже и хотел быстро сделать карьеру. Ступеньками его продвижения были тела и души заключенных, которые он попирал своими сапожищами... Шалит ненавидел заключенных за то, что оказывали ему сопротивление, что не были готовы немедленно подписать то, что от них требовал... Шалит мог в течение шести часов без устали повторять громовым голосом одну и ту же фразу без малейших вариаций. Мне он часами выкрикивал через каждые две минуты:

— Говорите о контрреволюционной, троцкистско-фашистской, террористической, диверсионно-шпионской организации, которую создали на территории Советского Союза.

Я пробовал варьировать мои ответы, чтобы заставить его хоть частично изменить приведенную выше фразу, повторение которой целыми часами просто сводило меня с ума. Ничего у меня из этого не получилось. Он повторял ее сотни, тысячи раз одним и тем же тоном, с той же самой жестокостью, с тем же напряжением в голосе... Через шесть часов он встал. Нажал звонок. Я думал, что теперь солдат отведет меня. Ошибся еще раз. Через несколько минут пришел Резников — выспавшийся, свежевыбранный — чтобы сменить Шалита. Я был полумертв. Сидел на стуле четырнадцать часов непрерывно, не имея возможности даже подняться. Раньше я всегда думал, что стояние часами у стены — это мучение. Сидеть без перерыва хуже во много раз. В стоячем положении можно дать себе отдых, переступая с ноги на ногу. В сидячем положении все время находишься в напряжении. В паху постепенно опухает, и появляется мучительная боль.

Резников приказал мне встать и идти за ним в его кабинет.

Я обратился к нему:

— Гражданин следователь, я не способен к дальнейшему допросу. Прошу прервать допрос.

— Не можем. Нет уже на это времени. Мы должны довести допрос до конца. Когда подпишешь, сможешь уйти.

Все началось сначала. В течение двух часов Резников кричал на меня. Я не отвечал. В восемь утра он остановился и вызвал солдата.

— Отведите арестованного.

Я вздохнул с облегчением. Наконец «домой». Меня ждало горькое разочарование. Солдат провел меня вниз. Должен был пойти в уборную, а потом получить поесть. Еда была обильнее, чем когда-либо. Через десять минут отворилось окно, и меня снова вызвали на допрос. Резников приказал мне сесть на стул. Мной почти не занимался. Принимал подчиненных, разговаривал по телефону, заполнял бланки и время от времени спрашивал: «Когда признаешься, ты пес?!» Я смотрел на него, не отвечая ни слова. Голова у меня тяжело падала на грудь. Когда грозило, что засну, Резников будил меня громким окриком:

— Что, с ума сошел, как ты ведешь себя у следователя? Спишь?! Что, издаваешься над Советской властью?! Где ты этому научился?! Когда, наконец, дашь показания?

Я обратился к нему:

— Гражданин следователь, это уже не допрос, это пытка. Прошу дать мне бумагу, чтобы я мог написать прокурору. Это средство физического

воздействия. Я не могу больше сидеть выпрямившись.

— Во время допроса ты должен давать показания и ничего больше. После окончания допроса можешь писать прокурору сколько хочешь.

— Да, но когда закончится допрос?

— Как только признаешь себя виновным.

— Гражданин следователь, я невиновен. Мне не в чем признаваться. Значит ли это, что допрос не закончится никогда?

— Признаешься, будь уверен. Мы теперь находимся в новой фазе. Мы обвиняем тебя не в какой-то неопределенной агитации против Советской власти, в каких-то разговорах — только факты: террор, террористические покушения, диверсионные акты, шпионаж.

— Гражданин следователь, я глубоко уверен, что вы сами знаете, как обстоит дело. Хорошо знаете, что признания В. — это абсолютная ложь. Зачем хотите заставить меня их подтвердить?

Резников ударили кулаком по столу:

— Ты, куча говна, фашистский провоциатор, даже здесь в тюрьме, хочешь провоцировать Советскую власть? Скажи мне это еще раз — и напишу рапорт начальнику и попрошу, чтобы посадил тебя в карцер номер три!

Я молчал. Из разговоров с Р. я уже знал, что это такое, и боялся карцера номер три.

Вс-таки я еще надеялся, что вечером пошлют меня «домой». Днем следователи менялись каждые четыре — пять часов. В шесть вечера солдат проводил меня на десять минут в подвал. В подвалных камерах полы были цементные, сами камеры были абсолютно голые. По приходу, чтобы снять напряжение, я тотчас же опустился на голый пол. Через минуту я уже спал. Меня разбудили и принесли еду. Я хотел отказаться от еды, чтобы иметь возможность поспать. Охранник этого не позволил. Запретил мне лежать на полу. Я уступил, не отваживаясь на явное непослушание. Через десять минут меня снова отвели к Резникову.

Я все еще надеялся, что с наступлением ночи допрос будет прерван. Не мог себе представить, что меня вообще не отпустят, пока не подпишу. Правда, Р. говорил об этом, но я в это не верил...

Когда в полночь Шалита сменил Вайсбанд, игра была для меня ясна. Началась новая фаза следствия: допрос без перерыва. Как узнал позднее, заключенные называли этот способ давления в ходе следствия «конвойером». Обвиняемый допрашивался днем и ночью на «конвойере». Следователи менялись. Продолжалось это настолько долго, пока обвиняемый не ломался. До осени 1937 года чекисты применяли телесные пытки в исключительных случаях. Как узнал позднее, битье требовало разрешения свыше. С конца сентября 1937 года, когда начались массовые аресты, во внутренних тюрьмах НКВД начали бить везде. Однако до этого

наиболее сильным средством давления, которое использовали, был «конвейер». Это была дьявольская пытка. Никогда не верил, что такой ценой допрос может заставить твердых людей прекратить сопротивление. В действительности, очень многие заключенные выдержали самые тяжелые пытки и не уступили, но я знаю только один случай, когда человек выдержал «конвейер» и не подписал обвинение.

Давление «конвейера» действовало тихо, автоматически. Через несколько дней начинают пухнуть члены тела, мускулы в паху болят ужасно. Следователь может не напрягаться. Он может ждать — время на его стороне. Обвиняемый не видит конца страданиям. Если бы знал заранее срок окончания допроса, постарался бы мобилизовать все силы, чтобы выдержать. А так спрашивает сам себя: что дальше? Выдержу еще эту ночь и еще одну, и еще один день. Они могут ждать, у них есть время. Когда-нибудь должен буду сломаться. Зачем в таком случае мучать себя еще?

В течение второй ночи Шалит снова донимал меня беспрерывно. В течение восьми часов. Это был его рекорд. В общем, я уже не пробовал его перебивать. Глаза пекло, было ощущение, что голова растрескивается, и предохраняет ее от этого только крепкий железный обруч. Четыре часа Шалит повторял одну и ту же фразу: «Говори о контрреволюционной, троцкистско-фашистской, террористической, диверсионно-шпионской организации, которую создал на территории Советского Союза».

Потом он остановился на минуту, позвал охранника и оставил помещение. Когда возвратился, все началось сначала. Несколько поменялся текст фразы. Не помню уже точно, как она звучала, знаю только, что кричал непрерывно:

— На колени перед Советской властью! Смирись перед Советской властью, ты, пес фашистский!

Когда в 8 утра его сменил Вайсбанд, я был близок к потере сознания. Вайсбанд позволил мне постоять несколько минут. Было это огромным облегчением. Мускулы мои расслабились. Я не врач и мало знаю о медицине, поэтому не могу подробно описать изменение состояния во время «большого конвейера». Знаю только, что неподвижность всего тела в течение ряда часов сначала страшно изматывает, а через определенное время вызывает сильные боли. Каждое изменение положения тела приносит определенное облегчение.

В этот день меня отвели на прием пищи довольно поздно. Все вместе — завтрак, посещение туалета и умывание — должно было продолжаться только десять минут. После этого возвратился на допрос. Вайсбанд уговаривал меня по-хорошему:

— Александр Семенович, ведь не выдержите этого. Жаль вас. Губите себя.

— Да, но что я могу поделать, товарищ Вайсбанд? Не могу ведь я написать что-то такое, что не было бы правдой. Не могу же попросту обманывать Советскую власть. Кто от этого будет в выигрыше?

Вайсбанд не дал на это ответа. У меня сложилось впечатление, что он думал то же, что и я...

В полдень снова пришел Резников:

— Долго еще будешь нас мучать? — весело крикнул он мне. — Беда нам, что на нас свалился такой бандит, как ты! Дай нам покой, в конце концов!

Я промолчал в ответ на его издевку. Он был в хорошем настроении...

Начиная с третьего дня «конвейера», мое физическое состояние начало быстро ухудшаться. Боли в области таза постепенно становились непереносимыми. Иногда я уже просто не мог вынести и вскакивал со стула, но угрозы следователей заставляли меня снова сесть. Вайсбанд, наиболее человечный из этой тройки, позволял мне через какое-то время вставать. Иногда это позволял и Резников, когда видел, что я близок к обмороку.

Выделяемое мне питание по-прежнему было очень хорошим, суп был очень жирным. Начиная с четвертого дня, мне уже не разрешали покидать кабинет следователя, еду приносили наверх. Так я лишился и тех последних десяти минут отдыха. В уборную меня провождал следователь с часами в руках. Не позволяли мне закрывать дверь. Несколько недель назад какой-то заключенный повесился в клозете.

Во время еды через определенные промежутки времени в кабинет заходил начальник отдела, капитан Торнуев. Своим обычным тоном — властяжку — уговаривал меня, чтобы ел все.

— Не оставлять ничего в тарелке, если не будешь есть, перейдем на искусственное питание.

Я не знал, для чего он мне угрожает. Ел охотно, это было в то время единственное, что меня освещало. Позже узнал, что имел в виду Торнуев.

Отказываясь от пищи и даже воды, можно радикально сократить мучение «конвейера». Самое позднее через два дня человек теряет сознание и падает со стула. К сожалению, в то время я еще не знал об этом, иначе объявил бы голодовку. В 1938 и 1939 годах объявляли голодовку по гораздо менее значительным поводам.

На четвертую ночь мое тело свело судорогой. Думаю, что Вайсбанд обратил внимание на судорогу по моему выражению лица, поэтому довольно сильно испугался.

— Что с вами, Александр Семенович? Вам плохо?

Отвечал почти шепотом:

— Думаю, что не переживу все это.

— Александр Семенович, ну так уступите и сделайте все, что нужно. Даю вам показания В. и

других. Прочитайте, возьмите лист бумаги и напишите капитану Торнусеву, что имеете сообщить.

Дал мне бумагу, ручку и чернила. Должен был взяться за писание. Я воспользовался этой оказией, чтобы подробно изложить бысмысленность этих показаний. Писал уже примерно полчаса, работа эта придала мне сил и подкрепила. В кабинет вошел Резников. Быстро поняв, что произошло, он был взбешен. Вырвал у меня из рук бумаги и приказал идти за собой. Остолбеневший Вайсбанд остался на месте.

Резников был специалистом в своем деле. Знал, что для жертв «конвейера» всякий перерыв в мучительно монотонной процедуре является отдыхом, и был зол, что Вайсбанд дал мне эти минуты передышки.

— Я не чудовище, но мы должны дойти до конца. Чем сильнее будем на тебя давить, тем скорее сломаешься. Будет это лучше для нас, потому что сэкономим время, а также для тебя, потому что сохранишь здоровье. Скоро дашь показания.

— Сами не верите в мою вину. Ходите меня заставить незаконными средствами дать ложные показания.

Резников вскочил и стал изрыгать ругательства, но у меня уже пропало чувство страха:

— Гражданин следователь, говорите, что хотите, я уверен, что прокурор не санкционирует такие методы. Если сломаюсь и подпишу, то подпишу ложь. Потом откажусь от нее немедленно. Ваше поведение незаконно. Требую вызвать прокурора, пусть он решит, действуете ли вы по закону.

Дошел до того, что начал дико кричать. Резников запустил в меня стакан, он разбился на полу. Я не дал себя прервать и вопил, как раненый зверь. Резников позвонил:

— Пришлите коменданта и двух сильных людей!
— закричал солдату. Потом успокоился и обратился ко мне:

— Мы не потерпим тут у нас бунт против Советской власти. Применим против тебя физическую силу.

Я сел и отвечал спокойно.

— Не буду давать никаких показаний, пока не придет прокурор. Дайте мне возможность написать прокурору.

Резников вышел из кабинета. По-видимому, дал в соседнем кабинете другое распоряжение, так как комендант не пришел. В течение часа я не отвечал ни на один вопрос. Резников потерял контроль над собой:

— Учи, что играешь с огнем. Твое поведение — это явный саботаж следствия. Можем приказать расстрелять тебя на основе административного решения.

— Если должен буду подписать то, что от меня хотите, буду так или иначе расстрелян.

— Не будь идиотом, ты, дурень! У нас не расстреливают людей, годных к труду! Ты — специалист, профессор. Признаешь свою вину и получишь 5 лет лагеря. Если будешь себя хорошо вести и выполнять норму, сможешь выйти на волю через два года. Будешь в лагере работать по своей специальности, как инженер. Скорее всего отзовут тебя оттуда и доверят тебе под нашим контролем техническую задачу, как это стало с Рамзином, который признался на публичном процессе в своем преступлении и теперь является большим человеком, отмеченным самыми высокими орденами.

— Мне не в чем признаваться, и я не скажу ни слова больше, если не прийдет прокурор.

Резников увидел, что я закусил удила. Он знал, что самое худшее для заключенных — это глухой, монотонный допрос. Думаешь тогда только о приближающемся моменте, когда сломаешься, замыкаешься на физической боли. Всякая активность мобилизирует утекающие силы. Резников искал пути отступления.

— Я не могу заставить прокурора прийти к тебе. У него есть дела поважнее.

— Дайте мне только возможность написать ему.

— Пиши!

Я взял бумагу и сел к столу. Писал следующее: «Гражданин прокурор! Я совершенно не виновен. Не имею ничего общего с теми преступлениями, в которых меня обвиняет следствие. Следователь подвергает меня незаконному давлению. Сижу уже больше ста часов непрерывно, без сна, на допросе. Больше не могу это выдержать. Если в ближайшие дни мой организм сломается и буду вынужден подписать то, что хочет от меня следователь, прошу Вас принять к сведению, что будет это вынужденный самооговор. Позже на любом суде откажусь от этих вынужденных показаний. Прошу Вас прийти в кабинет гражданина Резникова и поговорить со мной. Прошу Вас сделать это сразу по получении этого заявления, поскольку, учитывая мое физическое состояние, долго уже не смогу выдержать. А. Вайссберг».

Подписал, поставил дату и вручил письмо Резникову. Писал по-немецки. Я делал это для того, чтобы Резников не разорвал его сразу, он не знал немецкого и в таких случаях вызывал переводчицу. Иногда гебисты соблюдали некоторые формальности. Подписанное мною заявление не могло быть конфисковано. Его копия должна была быть приложена к протоколу. Мне об этом сообщил Р.

Но Резников был неглуп. Взял заявление и потребовал, чтобы я перевел его на русский. Я испугался, что последует приступ бешенства. Но случилось иначе.

Резников сел, долго смотрел на меня, кивая головой, потом сказал:

— Думаешь, что ты мудрее нас всех? Хочешь создать себе гарантию на будущее и заранее отка-

зываешься от всего, в чем должен признаться. Все эти трюки тебе не помогут. Не дадим тебе спуску, пока не опрокинем.

Однако — на диво — не разорвал мое заявление. Положил его к документам.

— Вручите его прокурору?

— Конечно.

— Когда прокурор даст ответ?

— Скорее всего, вообще не ответит. Знает твое дело также хорошо, как и мы. Знает, что ты заклятый враг. А с такими не хочет иметь ничего общего.

На следующий день нашла на меня сильнейшая сонливость. Несмотря на шум, пробовал спать с полуоткрытыми глазами. Следователи увидели это сразу, так как голова у меня падала на грудь. Подходили ко мне и поднимали мне голову. Я сильно ослабел. Иногда думал, что больше уже не смогу усидеть на стуле. Но слабость была все же не столь мучительна, как судорога, которая скрутила меня вечером.

Во всех членах ощущал страшную боль. Бедра опухли ужасно. Было ощущение, что пах находится в тисках, которые кто-то все сильнее затягивает. С этого времени с ужасом думал о моменте, когда сломаюсь. Пока еще владел собой, но теперь начал бояться, что утрачу контроль над своим сознанием. Тогда подпишу все, что положат передо мной. Сейчас еще мог регулировать дела, вплетая в мои признания неправдоподобные вещи, которые позже облегчат проведение защиты всей позиции методом от абсурда. Может быть, должен теперь уступить, пока не будет поздно.

В полночь допрос продолжил Шалит. Мучил меня сверх всякой меры. Начиная каждую фразу обращением «проститутка», а заканчивал словом «организация».

— Ты, проститутка! Ты, курва! ты, продажный изменник, поднял руку на самое святое, что у нас есть. Должен выдать своих людей. Организацию, о-р-г-а-н-и-з-а-ц-и-ю...

Я знал — Шалит повторял это раз за разом, — что после признания должен буду называть товарищей по этой организации. Потом потребуется от меня, чтобы выдал Лейпунского и других людей, которых любил. Вздрагивал при этом. Мысль о том, чтобы втянуть еще и других в это несчастье, ужасала. Что, однако, я мог поделать? Разве они когда-нибудь прекратят? Уже сейчас я чувствовал себя грудой всхухшего мяса. В голове у меня бушевала буря. Перед глазами плыли красные круги. Может быть, выдержу еще день, два, а что потом?

Шалит повторял ту же самую фразу в течение нескольких часов. Был, может быть, третий час ночи, боли стали невыносимыми. Должен был принять решение...

Утром пришел Вайсбанд. Допрос у него был одновременно и легче, и труднее. Ощущал его сочув-

ствие. Позволял через какое-то время постоять несколько минут. С другой стороны, угнетала монотонность происходящего на протяжении многих часов. Не оставляли мысли о приближающемся конце, не прекращалось ощущение страшной боли.

В полдень Резников сообщил мне:

— Прокурор читал ваше заявление и возмущен, что передаем ему такие кортреволовационные высказывания. Знает ваше дело. Добивается максимального давления, чтобы заставить вас признаться.

Я не верил ни одному его слову, но отказался от надежды, что увижу прокурора до окончания следствия.

Вечером снова пришла очередь Шалита. Это была уже шестая ночь, я был слишком слаб, чтобы бороться с болью. Шалит кричал и набрасывался на меня. Каждое слово было по моей голове, как удар молота. Мелькало в глазах, но хуже всего была боль в паху... В течение шестой ночи я уже понимал, что не вынесу долго такое состояние. Меня охватило беспокойство. Начал опасаться, что теряю способность ясно мыслить и тогда подпишу наихудшее.

В полночь в кабинет еще раз зашел Торнуев. Обратился к Шалиту:

— Ну что, написал?

— Нет, продолжает издеваться над нами.

— Ну что ж, надо будет с ним разобраться.

Оставил кабинет.

— Слыши, что сказал капитан? Знаете, что это значит?

— Нет.

— Боюсь, что узнаете в нужное время. Сделаем из вас обвиняемую. Есть у нас в подвалах разные средства, чтобы приструнить такого негодяя, как ты. Советую вам не доводить до этого. Но в конце концов это ваше дело.

После этого перерыва продолжал свой монотонный крик...

Несмотря на боль в бедрах и паху, несмотря на давление, разрывающее мою голову, заставлял себя думать. Что делать? Было ясно, что должен кончать. Но что мне следует написать? Может быть, удастся еще заключить компромиссное соглашение. Соглашусь с покушением, но зато они откажутся от обвинений в диверсии и шпионаже... Но тогда набросятся на меня с вопросом, кто входил в организацию, кто меня завербовал и кого я завербовал... Скорее всего, они хотят получить определенных людей, которые у них в черном списке — Лейпунского, Шубникова и иностранцев, работающих к нам в институте, но именно этих я им не дам. На этом они сломают себе зубы...

Часа в три — четыре утра командование перешло к Вайсбанду. Шалит, бледный, как покойник, оставил кабинет. Видимо, шесть часов крика подействи-

ствовало и на его собственные нервы. Вайсбанд на этот раз не принес мне облегчения. Боль в паху нарастала все сильнее. Решил приготовить все к капитуляции, но пробовал протянуть так долго, как только возможно. Думал теперь «про запас». Быть может, удастся пройти через все это. Однако, если сломаюсь, по крайней мере буду готов и будут знать, что делать.

Утренние часы мое решение созрело. Признаюсь в терроре, может быть, в контрреволюционной агитации и в борьбе против военных работ в институте. В то же время не признаюсь в шпионаже, не признаюсь и в диверсионной деятельности. Организация — бухаринская, не троцкистская. Принял эти решения, пробовал еще оказывать последнее сопротивление, но удавалось мне это все с большим трудом. Мысль о том, что смогу свободно встать и выпрямиться, что смогу ходить, действовала как мираж, мучащий путника в пустыне.

Утром пришел Резников. Набрался храбрости и сказал:

— Гражданин следователь, мои силы на исходе. Все, в чем меня обвиняете, — чистая фантазия. Не имею с этим ничего общего, однако готов поставить свою подпись.

— Не примем признания, сделанного с таким предупреждением. Если это все неправда, не имеешь права признаваться. Не должен давать фальшивые показания. Это была бы провокации по отношению к Советской власти.

— Да, но я уже просто не могу больше выдержать. Что должен теперь делать? Заставляете под пытками дать показания, а потом их отвергаете. Освободите меня, и не буду ни признаваться, ни провоцировать Советскую власть.

— Проводим допрос в цивилизованной форме. Не бьем, однако требуем, чтобы говорил правду. И скажешь правду. Хотим добраться до твоей настоящей вины. Должен признаться, что ты совершил против Советской власти. Не дадим себя обмануть признаниями, от которых заранее отказываешься.

Хорошо ему было говорить. Пришел свежевыбранный, после хорошего завтрака, выспавшийся под боком у своей жены. Я не спал уже сорок часов, вся нижняя часть моего тела была сплошная рана. Он хорошо знал, что я созрел для капитуляции. Мог теперь ставить какие угодно условия. Еще семью днями раньше принял бы с радостью такие признания с предупреждением, предупреждение опустил бы, а признание внес бы в протокол. Теперь мог себе позволить ждать. Знал, что приму любые условия.

Однако я еще защищался. Каждый раз, когда силялся приступить к «признанию», слова просто застревали у меня в горле. Не мог решиться на то, чтобы дать такие показания, и при этом вести себя так, как будто принимал все это всерьез. Боялся также, что на этом не остановятся. Резников под-

черкивал неоднократно, что являюсь двойным агентом, засланным в страну, с одной стороны, оппозицией, а с другой стороны, немецким гестапо. При этом его не смущал тот факт, что в 1931 г., когда я уехал из страны, не было еще в Германии ни Гитлера, ни гестапо. И вообще он не придавал особого значения законам логики и хронологии. Если только раз проявлю слабость, захотят идти дальше, до самого конца. Будут требовать от меня всех моих друзей, а я их не выдам. Скорее сгину.

Использовал остаток сил, чтобы продолжать защищаться. Напрягал волю, но тщетно. Боли в нижней части тела сводили на нет все мои благие намерения. Вытянул вперед ноги и попробовал опереться хоть немного на руки, чтобы снять напряжение с области паха, но был слишком слабым, чтобы выдержать в таком положении больше нескольких минут. Когда делал это чаще, сталкивался с запретом Резникова. Уже и Вайсбанд, который его сменил, не делал мне никаких уступок. По-видимому, запретили ему. Попробовал повернуться на стуле боком, но упал вместе со столом и, пытаясь опереться, вывихнул себе палец. От этого всего можно было помешаться. Когда тебя бьют, можно стиснуть зубы, чтобы выдержать пытки, которые могут продолжаться и час. Потом теряешь сознание. В случае «конвейера» сознание не теряешь, зато мучениям нет конца. Я кричал от боли. Вайсбанд не мог этого всего видеть и смотрел в окно. Около полудня пришел Шалит. Когда он входил, я сорвался с места и ринулся через открытую боковую дверь к Резникову, который сидел за своим столом:

— Гражданин следователь, защитите меня от этого человека! Ведите следствие, делайте со мной что хотите, но заберите от меня Шалита!

— Шалит достаточно хорошо работает с вами. Возвращайтесь и пишите свои показания.

Я не отважился на явный бунт. Был как в тумане и не способен был еще что-либо предпринять. Шалит потирал руки и, довольный собой, сел к столу.

— Надеюсь, ты уже понял — это конец. Если сейчас напишешь, сможешь отдохнуть еще сегодня вечером. Если сейчас не напишешь, гарантирую тебе, что вообще не примем твоего признания. Будешь ползать по полу и скулить, но сдохнешь раньше, чем тебя отпустим.

Могу только с трудом восстановить, что он в этот день со мной вытворял. Сориентировался в моем состоянии и хотел теперь довести до моей капитуляции, чтобы добыча упала в его руки, а не его коллег. Наблюдал ревниво каждое мое движение. Когда я пытался дать себе облегчение, вытянув ноги перед собой и опираясь на руки, не разрешал и кричал на меня громовым голосом. Один раз позволил себе оказать сопротивление и опирался на руки в течение нескольких секунд. Шалит встал и сапогом сбросил мои руки со стула. Я вскочил.

— Не имеете права ко мне прикасаться! Если это еще повторится, я, может быть, не выдержу и подпишу эту ложь, но вам, гражданин Шалит, я не подпишу ни единого слова.

Он побледнел от бешенства. Легко выдержал бы мою ненависть, но боялся, что дам показания Резникову или Вайсбанду, а он останется с пустыми руками. Резников в это время отсутствовал. Я сказал Шалиту откровенно:

— Позовите гражданина Резникова, вам не признаюсь ни в чем. Я хочу сделать заявление Резникову.

— Сейчас я являюсь следователем. Резников сегодня уже не придет. Ты должен выдать свою контрреволюционную, троцкистско-фашистскую, террористическую, диверсионно-шпионскую организацию! Назови своих сообщников. Через кого передавал сведения из нашей страны? Через здешнего немецкого консула или прямо через немецкое посольство в Москве? Откуда взял оружие, которое мог использовать для убийства товарища Сталина?

— Вам не скажу ни слова.

— Если будешь саботировать следствие, перейдем к физическим пыткам. Капитан уже дал согласие.

— Буду разговаривать только с Резниковым.

Он понял, что довел меня до того, что от отчаяния я стал оказывать сопротивление, и попытался это исправить.

— Если не хочешь говорить со мной, напиши капитану. Вот бумага.

— Позовите Резникова.

— Пиши Резникову, ты, бандит! Хочешь нам ставить условие, фашистская гадина! Скоро будешь харкать кровью. Вышвырнем тебя крысам на съедение.

Больше я ему не отвечал. Перед глазами у меня мелькали красные пятна, думать я уже был не в состоянии. Все плыло. Во всем теле ощущал ужасную боль. Теперь уже болел и позвоночник. Попробовал изменить положение головы, но это не принесло облегчения. Вечером пришел Вайсбанд. Сказал мне:

— Александр Семенович, потеряете рассудок, если будете и дальше упорствовать.

Дальше я почти ничего не слышал. Перед глазами все поплыло. Не мог перенести электрический свет и закрыл глаза. Два раза сползл со стула. Минуту мне казалось, что сердце перестало биться. Когда боли уже стали непереносимыми, потребовал от Вайсбанда, чтобы меня отвели в уборную. Согласился, хотя был там только полчаса назад. Вставание с места и ходьба вернули мне сознание, но сразу по возвращении в кабинет мучения начались снова. Чувствовал, что уже не выдержу. Ждал Резникова, но пришел снова Шалит, хотя

очередь была Резникова. Не знаю, как Шалит устроил, чтобы заменить Резникова на допросе.

— Останусь с тобой на целую ночь, братишка. Радуйся.

Мысль о том, что я проведу целую ночь с Шалитом, была непереносимой. Был полон решимости не давать ему никаких показаний, но чтобы выдержать, должен был дать ампутировать себе обе ноги. Шалит снова начал кричать. Его слова доходили до меня только частично. Почти потерял сознание. Уже не мог отчетливо видеть. Видел Шалита в виде какого-то неясного контура. Давление в мозгу становилось все острее. Шалит наблюдал за мной, как охотник за зверем. Видно было, как нарастала в нем дикая ненависть. Не раз хотел на меня броситься, чтобы силой заставить меня писать. Однако не разрешалось ему меня трогать. Кипел от злости. В эти последние часы превзошел сам себя: Я уже дошел до предела, держался только на ненависти к этому человеку. Он это чувствовал, и это его возбуждало. Всю свою энергию тратил на то, чтобы меня победить. Его крик так разносился по коридору, что много раз следователи выходили из соседних кабинетов, чтобы спросить, что происходит. Незадолго до полуночи почувствовал, что слабею. Видел, что приближается конец.

— Гражданин Шалит, позовите гражданину Резникову. Я хотел бы ему кое-что сообщить.

— Сначала должен сообщить все, сознаться во всех преступлениях, раскрыть весь свой черный способ мышления, все должен выложить на эту бумагу.

Я поднялся и зашатался. Кабинет закружился у меня в глазах, я упал. Шалит подскочил ко мне одним прыжком, приподнял меня и, как молотом, бил в мою голову гремящим голосом. В этот момент открылась дверь, и вошел капитан.

— Что тут происходит?

— Этот преступник издевается над Советской властью. Отдайте приказ, чтобы с ним покончить.

Я впился взглядом в Торнуева, смотрел на него, как на отца родного.

— Гражданин капитан, я решил дать показания, но хочу сделать это только Вам.

Он повернулся к Шалиту, стоявшему перед ним по стойке «смирно».

— Где лейтенант?

— Должен быть через несколько минут, товарищ капитан.

— Подождите его и потом придите вместе с ним и Вайсбертом в мой кабинет.

— Слушаюсь, товарищ капитан!

Едва капитан вышел из кабинета, пришел Резников. Шалит сдал ему дела. Резников бросил на меня взгляд и спросил:

— Хочешь дать показания?

— Да.

— Шалит, проводите обвиняемого в мою комнату и посадите на мой диван. Иду к начальнику.

Через несколько минут позвонил. Шалит совершенно иным, почти приятельским, тоном велел мне идти за собой. Была полночь, седьмой день моего допроса. Отвоевался. Наступила капитуляция и «признание».

№ 7

ВЫПИСКА

Из протокола № 13 решения Наркома Внутренних Дел СССР, Генерального Комиссара Госбезопасности тов. Ежова и прокурора Союза ССР тов. Вышинского от 28 октября 1938 года.

Слушали:

Материалы на обвиняемых, представленные Управлением НКВД УССР по Харьковской области в порядке приказа НКВД СССР за № 00439 от 25. 7. 1937 г.

Постановили:

Шубникова Льва Васильевича — расстрелять.

Нарком Внутренних Дел
Генеральный Комиссар
Госбезопасности
Прокурор СССР

(Ежов)
(Вышинский)

Верно: оперуполномоченный З отдела УГБ
лейтенант госбезопасности
(Решетнев)

№ 8

Содержимо секретно

С П Г А В К А

Решение Комиссии НКВД и Прокуратуры СССР от 28
октября 1937 г. в отношении

Шубникова Льва
Васильевича

приведено в исполнение 10 ноября 1937 г.

НАЧАЛЬНИК 3 ОТД 3 СЕКТОРА ОТДЕЛА "А" МВД СССР
Лев Алексеенко
26/11 1953 г.

№ 9

Гор. Ленинград,
Кировский пр. № 73/75, кв. 66
Гр. Трапезникову Н.В.
29 апреля 1939 г.

Прокуратура Харьковской области сообщает, что Шубников Лев Васильевич 10/XI 37 г. осужден и выслан в ИТЛ. Приговор по делу окончательный и обжалованию не подлежит.

И. о. зам. обл. прокурора
по спецделам

(Алексеенко)

№ 10

Гор. Ленинград,
Кировский пр. № 73/75, кв. 66
Гр. Трапезниковой Ольге Николаевне
5 ноября 1939 г.

Прокуратура Харьковской области сообщает, что Ваша жалоба по делу Шубникова Льва Васильевича Облпрокуратурой 26/X рассмотрена и за отсутствием оснований к пересмотру дела и опротестованию решения жалоба оставлена без последствий.

И.о. зам. обл. прокурора
по спецделам

(Алексеенко)

№ 11

Народному Комиссару Внутренних Дел СССР
товарищу Л. П. Берия
от гр-ки Трапезниковой Ольги Николаевны,
 прож. в Ленинграде, Кировский пр. 73/75, кв. 66

В августе 1937 г. после безрезультатного обыска по распоряжению НКВД был арестован в Харькове мой муж, научный руководитель Криогенной лаборатории низких температур Украинского Физико-технического института (УФТИ), профессор и декан Харьковского университета — Лев Васильевич Шубников.

О дальнейшей судьбе своего мужа я знаю только то, что он был осужден 11 ноября 1937 г. и выслан в лагеря особого режима без права переписки. Ни описи, ни конфискации его имущества не было.

После ареста Л. В. Шубникова институтом было произведено обследование его деятельности в лаборатории, в котором было констатировано полное

отсутствие вредительства. Мой муж был осужден без суда, и я совершенно уверена, что он ни в чем не виновен и что приговор является ошибкой, и ничего, клонящегося ко вреду своей Родины, Л. В. Шубников не мог сделать, а наоборот, принес делу советской науки исключительно важные услуги как крупнейший ученый в своей области.

Л. В. Шубников по окончании в 1926 г. Индустриального института в Ленинграде был немедленно по рекомендации академика А. Ф. Иоффе командирован в Голландию, в г. Лейден, для работы в криогенной лаборатории. Там он работал 4 года под руководством мирового ученого — директора лаборатории проф. де Гааза.

Изучив в совершенстве криогенное дело, он был в 1930 г. приглашен в УФТИ для создания там криогенной лаборатории. Необходимо отметить, что до того времени в СССР не было ни одной криогенной лаборатории, что Л. В. Шубников явился в полном смысле слова пионером в этой области. Из Германии и Голландии были выписаны холодильные машины, которые под его руководством были установлены и пущены в ход. При этом Л. В. Шубникову не только приходилось устанавливать оборудование и машины, но и создавать кадры научных и технических работников, которых в СССР совершенно не было. Л. В. Шубников блестяще справился с этой задачей, и спустя только два года с момента начала постройки лаборатория была пущена в ход и впервые в СССР был получен жидкий гелий.

Криогенная техника — очень сложная техника, требующая огромного хозяйства и прекрасной организации. Л. В. Шубников так сумел создать и организовать это сложное хозяйство, что даже теперь, спустя почти три года после его ареста, лаборатория все еще живет его трудами, его идеями и организацией. Под его руководством лаборатория двинулась гигантскими шагами вперед, непрерывно давая научные работы, значение которых в области сверхпроводимости и магнетизма получило признание не только у нас, что можно видеть из отчета выездной сессии Академии Наук СССР в гор. Харькове в январе 1937 г., но и за границей. (В 1936 г. на Международном конгрессе холода, где докладывались работы Л. В. Шубникова и его сотрудников, участники конгресса были весьма заинтересованы этими работами, научное значение которых ставило, по общему мнению, лабораторию на второе место в мире).

И все это — достижение четырех лет.

Л. В. Шубников — крупный советский ученый и большой практик, имеющий более 40 научных работ, напечатанных как в русских, так и иностранных журналах (список этих работ, далеко не полный, при сем прилагаю). Из сказанного следует, что крупный ученый, создавший первую в СССР и вторую в мире лабораторию, приготовив-

ший ряд высококвалифицированных научных и технических работников, сплотившихся вокруг него и отдававших вместе с ним все свои силы на славу советской науки, не мог причинить ей какой-нибудь вред.

Правильность всего вышеизложенного и утверждения об огромном значении Л. В. Шубникова как ученого могут удостоверить наши первоклассные советские ученые, как например, академики П. Л. Капица, А. Ф. Иоффе, Н. Н. Семенов и многие другие, и те ученые, которые съезжались в Харьков для работы с низкими температурами, как на одного из них могу указать на профессора И. К. Кикоина.

Выбытие Л. В. Шубникова из рядов деятелей советской науки, вероятно, на продолжительное время, а может быть, и навсегда, если его организм не выдержит тяжелых моральных и физических условий, является прямым ущербом для советской науки.

Неопределенность обвинений, проверка правильности приведенных мною фактов сами собой ставят вопрос о необходимости пересмотра его дела, о чём я и ходатайствую.

Сентябрь (?) 1939 г.

№ 12

Адрес:

Ленинград, Кировский просп.,
д. 73/75, кв. 66
Гр-ке Трапезниковой О.Н.

Ваша жалоба проверена и оставлена без удовлетворения.

Прокурор Отдела по спецделам
Прокуратуры СССР (подпись неразборчива)
1939 г. (?)

№ 13

Ленинград 129,
Кировский пр. 73/75, кв. 66
Трапезниковой О.Н.
11 июня 1940 г.

Прокуратура УССР сообщает, что Ваша жалоба, адресованная Депутату Верховного Совета УССР и СССР тов. Богомольцу, по делу Шубникова Льва Васильевича рассмотрена и оставлена без удовлетворения.

Прокурор по спецделам
Прокуратуры УССР (Исаев)

№ 14

СССР

Народный комиссариат
Государственной безопасности
отдел А
июня 1944 № 11/15 18544
г. Москва

Совершенно секретно, только лично
Зам. начальника I спец. отдела НКВД СССР
подполковнику государственной безопасности
тov. Соснину, г. Свердловск

Возвращая Вам архивно-следственное дело № 766025 том 137 по обвинению Горского Вадима Сергеевича, прошу в карточке ОСК на него сделать отметку о том, что в июне месяце 1944 года член-корреспонденту Академии Наук СССР Обреимову Ивану Васильевичу было сообщено, что Горский В. С., отбывая наказания в лагерях НКВД, умер 25 ноября 1941 года от крупозного воспаления легких, в связи с чем впредь на Горского В. С. прошу выдавать подобные же справки.

Приложение: архивно-следственное дело № 766025, т. 137.

Начальник отдела «А» НКГБ СССР
комиссар государственной безопасности

Герцовский

№ 15

Государственному Прокурору СССР
товарищу Руденко
от гр-ки Трапезниковой Ольги Николаевны,
прож. в Ленинграде,
Кировский пр. 73/75, кв. 66

Мой муж, Лев Васильевич Шубников, русский, 1901 г. рождения, был арестован в г. Харькове органами НКВД 6 августа 1937 г.

... До 1946 г. мне ничего не удавалось узнать о судьбе моего мужа. Осенью 1946 г. органами МВД г. Ленинграда мне было сделано устное сообщение о смерти моего мужа осенью же 1946 г. в дальнем лагере от болезни сердца. Письменного сообщения о его смерти я не получила.

Лев Васильевич Шубников — уроженец г. Ленинграда, где он окончил в 1926 г. Политехнический Индустриальный институт. Вся его сознательная жизнь проходила при советской власти. Вся его научная жизнь проходила на моих глазах, т. к. мы поженились в 1925 г. Я сама научный работник, и тоже физик, и поэтому с полной ответственностью могу говорить, что он ничего не мог сделать ко вреду своей Родины, а наоборот, принес ей только пользу. Он был настоящий советский че-

ловек, энтузиаст своего дела, неутомимый работник и блестящий организатор.

Я прошу о пересмотре дела моего мужа, даже если его и нет в живых. Реабилитация моего мужа нужна и моему сыну Михаилу Шубникову, который родился 31 августа 1937 г., то есть спустя неполный месяц после ареста отца. Он никогда не видел своего отца, и все же на нем лежит клеймо — сын арестованного. На будущий год он кончает школу, и это клеймо может помешать ему при поступлении в ВУЗ.

Мне самой пришлось много пережить в жизни тяжелого, и мне хотелось бы, чтобы мой, ни в чем не повинный сын, расплакивался за своего ни в чем не повинного отца и мог бы радостно жить, учиться и работать.

Результаты пересмотра дела моего мужа прошу сообщить по адресу: г. Ленинград, Кировский пр., д. 73/75, кв. 66

сентябрь 1954 г.
(О.Трапезникова).

№ 16

ПРОКУРАТУРА

Союза Советских Социалистических Республик
Москва-центр, Пушкинская, 15-а
22 ноября 1954 г.
№ 13/8 - 137838 - 40

Кому: Трапезниковой Ольге Николаевне
Адрес: г. Ленинград, Кировский пр., дом
№ 73/75, кв. 66

Сообщаю, что Ваша жалоба Прокуратурой СССР проверяется. Результат проверки Вам будет сообщен дополнительно.

Прокурор отдела по спецделам
Юрист 1 класса

(Михайлов)

№ 17

Председателю Партийного контроля
при ЦК Союза ССР
товарищу Разуваеву.

от гр. Трапезниковой О. Н.,
прожив. в г. Ленинграде,
Кировский пр., д. № 73/75, кв. 66

... В сентябре 1954 г. я писала письма на имя Государственного Прокурора СССР тов. Руденко с просьбой реабилитировать моего мужа. 22 ноября 1954 г. я получила ответ из прокуратуры СССР за подписью прокурора отдела по спецделам юриста 1

класса тов. Михайлова, что моя жалоба проверяется и результат проверки будет сообщен дополнительно, однако до сих пор сообщений из прокуратуры СССР я не получила. Я прошу о реабилитации моего мужа, даже если его и нет в живых...

26 марта 1956 г.
Трапезникова О.Н.

№ 18

«УТВЕРЖДАЮ»
Начальник управления КГБ при СМ УССР
по Харьковской области полковник
Н. Решетов
15 августа 1956 года

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по архивно-следственному делу

Я, старший следователь следотдела Управления Комитета государственной безопасности при Совете Министров УССР по Харьковской области капитан Рыбальченко, рассмотрев материалы архивно-следственного дела № 766025 на осужденных:

Шубникова Льва Васильевича, 1901 г. рождения, уроженца г. Ленинграда, русского, из служащих, гражданина СССР, беспартийного, женатого, с высшим образованием, работавшего до ареста в Украинском физико-техническом институте научным руководителем лаборатории низких температур, проживавшего в г. Харькове по ул. Чайковского, 16, кв. 9, *<по обвинению>* в преступлениях, предусмотренных статьями 54-6, 54-9, 54-11 УК УССР;

Розенкевича Льва Викторовича, 1905 г. рождения, уроженца г. Ленинграда, русского, из служащих, беспартийного, с высшим образованием, женатого, работавшего до ареста в Украинском физико-техническом институте научным руководителем лаборатории радиоактивных измерений;

Горского Вадима Сергеевича, 1905 г. рождения, уроженца г. Гатчина Ленинградской обл., из служащих, русского, гражданина СССР, беспартийного, с высшим образованием, женатого, работавшего до ареста в Украинском физико-техническом институте исполняющим обязанности научного руководителя рентгеновской лаборатории, *<по обвинению>* в преступлениях, предусмотренных статьями 54-7, 54-10 и 54-11 УК УССР.

НАШЕЛ:

Шубников, Розенкевич и Горский были арестованы в период август — сентябрь 1937 года НКВД по Харьковской области на основании показаний свидетелей *<С. Т.>* Ш. и *<В. В.>* Г. Санкция на арест имеется только на одного Горского. Свиде-

тель Ш. на допросе 26.03.37 г. показал о том, что он Горского знал по совместной работе в Украинском физико-техническом институте как антиобщественника и антисоветского человека, который выступал против соцсоревнования в науке, вел работу, направленную к срыву квалификации членами КПСС, комсомольцами, выразившуюся в том, что он якобы не допускал Ш. и других практикантов к аппаратуре лаборатории, издевался над ними и заявлял «Хамам я не буду читать лекций».

Одновременно Ш. указывал, что со слов других лиц ему стало известно о том, что Горский в период работы в Ленинграде состоял в 1925 году участником антисоветской организации, а во время чистки партии в 1934 году давал комиссии по чистке ложные данные на коммунистов с целью их компрометации.

Свидетель Г. на допросе в мае 1937 года дал обобщенные показания о том, что на основании личных наблюдений в период работы в Украинском физико-техническом институте он предполагает, что там существовали контрреволюционные группировки правых, в которые, по его мнению, входили Ландау, Корец, Обреимов, Шубников Лев Васильевич, Розенкевич Лев Викторович и иноспециалисты — муж и жена Рузманы, Шлезингер, Вайссберг и другие. Эти лица, как указывает Г., проводили в указанном институте вредительство — срывали правительственные задания по разработке ряда научно-физических проблем, имеющих значение для обороны страны и развития советской науки, путем затягивания постройки ряда экспериментальных установок, создавали склоку и травлю научных работников, выживали их из института, собирались на квартирах у Обреимова, Шубникова и Вайссберга на конспиративные совещания.

Далее свидетель Г. заявил, что ему известно о том, что Шубников в 1921 году при странных обстоятельствах бежал на яхте за границу, проживал там в Финляндии, Германии, затем по возвращении в СССР говорил, что за границу он попал случайно, так как яхту унесло штормом. Наряду с этим Г. указывает, что Розенкевич и Шубников участвовали в Харькове в конспиративных совещаниях контрреволюционно-вредительской группы и во всей ее враждебной деятельности.

Однако откуда все это ему известно — не говорит, и переспросить его в связи со смертью не представляется возможным.

По делу также был допрошен в апреле 1937 года Ахиезер, показавший о том, что будучи сотрудником Украинского физико-технического института вместе с Шубниковым, Горским и Ландау читал по совместительству лекции в Харьковском университете. В декабре 1936 года в связи с отстранением Ландау от чтения лекций в университете

они в знак солидарности вместе с Горским и Шубниковым подали заявление об их увольнении из университета, за что вызывались в Наркомпрос УССР, где и признали свою ошибку.

В процессе следствия обвиняемый по настоящему делу Шубников на допросе 7 августа 1937 года на поставленные ему вопросы заявил, что в контрреволюционной шпионско-диверсионной организации он никогда не состоял и виновным себя не признает. Однако в тот же день подал на имя следователя заявление, в котором признавал себя виновным в контрреволюционной деятельности и просил принять от него показания.

В дальнейшем в своих собственноручных показаниях и на допросе 13–14 августа 1937 года Шубников показал о том, что в 1921 году, катаясь на яхте в Финском заливе, он бежал за границу и проживал некоторое время в Финляндии, Германии, а в 1923 году возвратился в СССР в г. Ленинград и стал работать в физико-техническом институте.

Перед возвращением в СССР он в Германии был завербован неким Десслером для шпионской работы в пользу германской разведки, а в 1926 году, выезжая из СССР в заграничную командировку, встречался с Десслером в Берлине и передал ему секретные сведения о работе Ленинградского физико-технического института. Переходя на работу в Украинский физико-технический институт, г. Харьков, как показывает Шубников, он здесь встретился в 1932 году с Вайссбергом, возвратившимся из заграничной командировки, которым вторично был завербован в контрреволюционную троцкистско-шпионскую организацию, существовавшую якобы в УФТИ и по его заданию передавал ему сведения о работах в УФТИ оборонного и промышленного значения.

Далее Шубников показал, что помимо него в указанную организацию входили научные работники УФТИ Ландау Лев Давидович, Горский Вадим Сергеевич, Бриллиантов Николай, Лейпунский, иноспециалисты Хоутерманс, Рузманн Мартин, его жена Варвара, Обреимов, из них он лично завербовал в 1935–36 гг. в организацию Ландау, Горского и Бриллиантова.

О преступной деятельности участников контрреволюционной вредительской организации Шубников показал, что он вместе с названными лицами срывал разрешение в УФТИ научных проблем, имевших важное значение для обороны страны и развития промышленности, путем создания склок среди работников института и невозможных условий для развития их научной и практической деятельности с последующим их выживанием из института и назначением вместо них иноспециалистов. Проводили вредительство в лаборатории низких температур и на других экспериментальных установках путем их постоянных перестроек, в

результате чего не был разрешен ряд проблем, поставленных партией и правительством перед Украинским физико-техническим институтом.

Наряду с этим Шубников заявил, что вместе с другими участниками антисоветской организации он неоднократно собирался в квартирах Вайссберга, своей и в кабинете Ландау, где они вели контрреволюционные разговоры и, кроме того, у него были настроения при выезде в заграничную командировку не возвращаться назад в СССР.

Обвиняемый Розенкевич Лев Викторович показал о том, что, работая в 1928 году в Физико-техническом институте в г. Ленинграде, он общался с враждебно настроенными лицами — Иваненко и другими, который обрабатывал его в контрреволюционном духе, а в 1928 году по его предложению он примкнул к существовавшей в Физико-техническом институте антисоветской организации.

В 1930 году, с переездом на работу в Харьков в Украинский физико-технический институт, он примкнул к троцкистской группе, участниками которой являлись Вайссберг, Шубников, Лейпунский, Бриллиантов, Корец, Иваненко, Ландау и иноспециалисты — жена и муж Рузманны, Хоутерманс. С этими лицами, как показал Розенкевич, он занимался антисоветскими разговорами и вредительством, направленным на срыв в УФТИ разработки научных проблем, имевших значение для обороны страны и промышленности, созданием склок и невыносимых условий для работы в УФТИ молодых специалистов с последующим их изгнанием из института. Кроме того, Розенкевич показал, что он вместе с Иваненко обсуждал вопрос о выезде в заграничную командировку и не возвращении в СССР.

Обвиняемый Горский на допросах, а также на очной ставке с обвиняемым Шубниковым отрицал свою причастность к контрреволюционной троцкистской организации, заявив, что он о существовании такой организации ничего не знал и Шубников его в нее не вербовал. Материалы следствия в порядке статьи 200 УПК УССР обвиняемому Шубникову, Горскому и Розенкевичу не предъявлялись и срок окончания следствия по настоящему делу неизвестен.

28 октября 1937 года решением НКВД СССР и Прокурора СССР Шубникову, Горскому и Розенкевичу была определена ВМН — расстрел. Указанное решение было приведено в исполнение в период 8–10 ноября 1937 года.

В настоящее время в связи с указанием Главного военного прокурора была произведена проверка обоснованности осуждения вышеуказанных лиц, в процессе которой изучены материалы архивно-следственных дел на Вайссберга, Ландау, Иваненко, Обреимова, Хоутерманса и других, которых Розенкевич и Шубников называли как соучастников своей преступной деятельности.

Будучи арестованными, Вайссберг и Ландау первоначально показали о своей причастности к контрреволюционной организации, существовавшей в Украинском физико-техническом институте, назвали как соучастников Шубникова и Розенкевича. В дальнейшем они заявили, что эти показания не соответствуют действительности, поскольку они их дали в результате применения к ним незаконных методов ведения следствия, в связи с чем дела на Ландау и Вайссберга в 1939 году были прекращены. Арестованный Иваненко никаких показаний о преступной деятельности не дал, однако, учитывая его социальную опасность как выходца из семьи дворянина, он был осужден к трем годам исправительно-трудовых лагерей.

Арестованные Обреимов и Хоутерманс вначале дали показания, что являлись немецкими шпионами, участвовали в контрреволюционной организации, существовавшей в УФТИ, назвали как соучастников Шубникова, Горского, Розенкевича и других. На последующих допросах они от своих показаний отказались, заявив, что их протоколы были сфабрикованы следователем, в связи с чем указанные дела были прекращены. Хоутерманс как иностранец был выдворен из СССР.

Таким образом, показания Шубникова и Розенкевича о причастности их, Горского и других к контрреволюционной троцкистско-вредительской шпионской организации, существовавшей якобы в Украинском физико-техническом институте, лица, на которых они ссылаются, не подтвердили. Дополнительно же допрошенные в настоящее время свидетели Стрельников, Усиков, Ковалев, Чернец и другие, знавшие Шубникова, Розенкевича, Горского долгое время по работе в Украинском физико-техническом институте, характеризовали их положительно, а по сему

ПОЛАГАЛ БЫ:

Войти с ходатайством через Главного военного прокурора перед судебными органами об отмене решения НКВД и Прокурора СССР от 29. 10. 37 г. в отношении Шубникова Льва Васильевича, Розенкевича Льва Викторовича и Горского Вадима Сергеевича и прекращении их дела за отсутствием состава преступления.

Старший следователь УКГБ
при СМ УССР по ХО

капитан Рыбальченко

Согласен:
зам. нач. следотдела УКГБ
при СМ УССР по ХО

подполковник Бульваров

№ 19

Всенному прокурору
капитану юстиции Кобцову

Я хорошо знал Л. В. Шубникова, В. С. Горского и Л. В. Розенкевича, проработав с ними 5 лет в Украинском физико-техническом институте в Харькове. Все они известны мне как талантливые ученые и люди, горячо преданные делу социализма. О каждом из них в отдельности могу сказать следующее:

Лев Васильевич Шубников, несомненно, был одним из крупнейших физиков, работавших в области низких температур не только у нас в Союзе, но и в мировом масштабе. Многие его работы до настоящего времени являются классическими. Говорить о его вредительской деятельности в области физики низких температур совершенно абсурдно, учитывая, что он как раз явился одним из создателей этой области у нас. Его горячий патриотизм подчеркивается тем, что он добровольно бросил работу в Голландии для работы на Родине. Ущерб, нанесенный советской физике безвременной гибелью Л. В. Шубникова, трудно переоценить.

Вадим Сергеевич Горский был крупнейшим у нас в Союзе специалистом по рентгеноструктурному анализу. Достаточно сказать, что до настоящего времени, несмотря на прошедшие двадцать лет, мы не имеем в этой области физика равной ему силы.

Лев Викторович Розенкевич еще не успел много сделать в науке, поскольку он изменил свою научную специальность — занялся ядерной физикой всего за несколько лет до ареста. Однако уже за этот короткий срок он выделился как очень талантливый работник и несомненно, смог бы сыграть существенную роль в развитии этой важной области физики.

Герой Социалистического Труда
академик Ландау
3 июля 1956 года

№ 20

1. Льва Васильевича Шубникова, Вадима Сергеевича Горского и Льва Викторовича Розенкевича я знал очень хорошо, сперва по ЛФТИ, а потом по УФТИ. Лев Васильевич Шубников работал в ЛФТИ в лаборатории профессора Обреимова, будучи его учеником, в должности младшего научного сотрудника до 1927 года. В 1927 году он получил от ВСНХ научную командировку в Лейден (Голландия), где он работал до августа 1930 года. Вернувшись из заграничной командировки, он первый год (1930 – 31) работал в лаборатории

профессора Обреимова в УФТИ, а затем стал заведующим криогенной лаборатории УФТИ.

Горский Вадим Сергеевич — также ученик проф. Обреимова. После окончания Ленинградского политехнического института начал работать в ЛФТИ в лаборатории проф. Обреимова и вместе с ним в 1930 году переехал в УФТИ, занимал должность научного сотрудника лаб. Обреимова (лаб. кристаллов).

Лев Викторович Розенкевич — ученик проф. Френкеля, теоретик. В ЛФТИ работал в 1927 по 1930 г. в должности научного сотрудника теоретического отдела. В 1930 году переехал в УФТИ, работал в теоретическом отделе академика Ландау и был заместителем редактора журнала *Phys. Zeit. der Sowjet Union*, выходившего в Харькове с 1930 по 1936 год.

2. Ни о каких контрреволюционных организациях ни в ЛФТИ, ни в УФТИ я ничего не знаю, не знаю также о причастности Шубникова, Горского и Розенкевича к какой-либо политической или контрреволюционной организации.

3. Ни Шубников, ни Горский, ни Розенкевич никакой травли комсомольцев и коммунистов не проводили. Также они никогда не выступали против сотрудников института, занимавшихся оборонной или прикладной тематикой. В УФТИ в те годы проводились многие дискуссии о направлении работ, было много споров и разногласий об общем направлении научной деятельности института, было много разговоров, что институт работает плохо благодаря наличию большого числа сотрудников, которые в течение ряда лет не дают научной продукции, о необходимости поднять теоретический уровень сотрудников, о необходимости регулярно проводить «чистку» института от ненужного балласта и т.п., но я никогда не слыхал о какой-то «травле».

4. Перечисленные товарищи, как и некоторые другие сотрудники УФТИ, действительно устроили «забастовку», но не в институте, а в университете, вызванную увольнением из университета академика Ландау Льва Давидовича. Проф. Ландау был уволен ректором университета благодаря возмущению студентов издевательским отношением к ним проф. Ландау. Увольнение Ландау ректором было незаконным, так как увольнение профессора может быть произведено только приказом министерства (наркомата). Ряд сотрудников УФТИ, преподававших в университете, в виде протesta подали коллективное заявление об уходе. Партийная организация университета обратилась в УФТИ об общественном разборе этого дела. На очень бурном собрании сотрудников УФТИ «забастовка» была, конечно, осуждена. Выступая на этом собрании, я анализировал причины, приведшие к конфликту Ландау со студентами, указал на недопустимое высоком

мерие некоторой части научных сотрудников по отношению к студентам и указал также на то, что это высокомерие идет еще со старых времен, когда в Ленинградском университете существовала группа действительно талантливой молодежи (Ландау, Иваненко и др.), именовавшая себя «джаз-банд», которая всех остальных студентов называла «субами», т.е. стоящими ниже их. Ни о какой контрреволюционной организации я никогда не говорил. Высокомерие Ландау объясняется его известной всем самовлюбленностью, а никак не какими-нибудь политическими причинами. Все сотрудники УФТИ, принимавшие участие в «забастовке», признали недопустимость принятого ими метода «коллективного протesta».

5. Ни о какой контрреволюционной деятельности Шубникова я ничего не знаю и в нем не верю, так как Шубников всегда был очень далек от политики. Однако должен заметить, что все дело о контрреволюционной (или шпионской) организации в УФТИ очень неясно (по крайней мере для меня), так как у нас действительно существовали бесспорные шпионы — Фриц Хоутерман и Вайссберг, а также непонятная личность Фомин, приехавший из Германии, знаяший Хоутермана по Германии и работавший с ним в УФТИ. Фомин производил на меня впечатление ненормального или вконец запуганного человека; как-то он зашел ко мне в лабораторию и почти в истерике сказал, что УФТИ может «неожиданно сгореть». Сколько я не высматривал, ничего больше он не добавил. Страшно обеспокоенный этим заявлением, я сообщил о нем начальнику 1-го отдела т. Певному Б. Н. и секретарю парторганизации т. Заливадному. Это беспокойство усилилось, когда через несколько дней Фомин пытался покончить самоубийством, выпив соляной кислоты и сбросившись с 3-го этажа. Придя в сознание, он потребовал к себе т. Певного, после чего его поместили в больницу НКВД и больше о нем мы ничего не слыхали.

Но сейчас, как и тогда, мне кажется, что деятельность Хоутермана, Вайссберга и, возможно, Фомина никак не была связана с Шубниковым, Горским и Розенкевичем, как и с арестованным и погибшим в дальнейшем Комаровым (нач. ОСГО, организованной нашим институтом). Все они, по-видимому, явились жертвой клеветы и, быть может, карьеризма некоторых сотрудников института.

6. На этот пункт я ответил в п. 4, причем о «джаз-банде» я говорил совсем не как о какой-то политической или контрреволюционной организации, и связывал я с ней совсем не Шубникова, а Ландау.

12 августа 1956 года

Указанное объяснение отобрано мною и написано директором УФТИ АН УССР, профессором, действительным членом АН, заслуженным деятелем науки УССР, Синельниковым Кириллом Дмитриевичем, проживающим в г. Харькове, Чайковского б. кв. 1.

Старший оперуполномоченный
1 с/отдела УКГБ ХО,

ст. лейтенант Хотеев

14 августа 1956 года

№ 21

В Военную коллегию
Верховного суда Союза ССР

П Р О Т Е С Т

в порядке надзора

Постановлением НКВД СССР и прокурора СССР 28 октября 1937 года осуждены к расстрелу:

1. Шубников Лев Васильевич, 1901 года рождения, русский, гражданин СССР, беспартийный, бывший научный руководитель лаборатории низких температур Украинского физико-технического института, арестованный 5 августа 1937 года.

2. Розенкевич Лев Викторович, 1905 года рождения, русский, гражданин СССР, беспартийный, бывший научный руководитель лаборатории радиоактивных измерений Украинского физико-технического института, арестованный 5 августа 1937 года.

3. Горский Вадим Сергеевич, 1905 года рождения, русский, гражданин СССР, беспартийный, бывший научный руководитель рентгенлаборатории Украинского физико-технического института, арестован 21 сентября 1937 года.

Органами следствия Шубников, Горский и Розенкевич обвинялись в том, что они состояли в контрреволюционной организации, якобы существовавшей в УФТИ, и проводили в этом институте вредительскую деятельность. Шубников, кроме того, обвинялся в принадлежности к германской разведке, Розенкевич — в принадлежности к антисоветской группе, якобы входившей в контрреволюционную организацию при Ленинградском госуниверситете. Горский в предъявленном ему обвинении виновным себя не признал, а Шубников и Розенкевич виновными себя признали. Основанием для осуждения Шубникова, Горского и Розенкевича послужили, главным образом, личные признания двоих последних и их показания о причастности к контрреволюционной организации

Горского. Произведенным по делу дополнительным расследованием установлено, что Шубников, Розенкевич и Горский осуждены необоснованно, а именно:

Шубников и Розенкевич на следствии своими соучастниками по контрреволюционной организации, помимо Горского, назвали Вайссберга, Бриллианта, Обреимова, Ландау, Лейпунского, Рузманна М., Рузманн В., Хоутерманса, Иваненко, Румера. Шубников наряду с этим объяснил, что он являлся агентом германской разведки, в пользу которой работал по заданию упомянутого выше Вайссбера. В процессе проверки дела показания Шубникова, Розенкевича подтверждения не нашли. Бриллиантов, Рузманн М., Рузманн В., Лейпунский, по сведениям первого спецотдела МВД СССР, арестованными и осужденными не значатся. Дело в отношении Ландау прекращено в 1939 году, а в 1941 году прекращено дело по обвинению Обреимова. В 1954 году после проверки прекращено дело в отношении Румера, Вайссбера и Хоутерманса, первоначально изобличавших Шубникова, Розенкевича, Ландау и других в антисоветской деятельности в УФТИ, которые впоследствии от этих показаний отказались как от вымыселных в результате незаконных методов следствия. Вайссберг в 1939 году, а Хоутерманс в 1940 году как нежелательные иностранцы были выдворены за пределы СССР. Иваненко же, будучи осужден в 1935 году к 3 годам ИТЛ как социально опасный элемент, утверждал, что он честно работал над развитием советской физики. В антисоветской деятельности Иваненко никого не изобличал.

Объективных доказательств о проведении осужденными по настоящему делу в УФТИ контрреволюционной деятельности, за исключением голословных показаний самих Шубникова и Розенкевича и показаний допрошенных на следствии свидетелей Ш. и Г. в деле не имеется.

Между тем, свидетели Ш. и Г. (умер в 1955 году) аналогичные показания давали в отношении Бриллианта, Трапезниковой Ольги, Ландау, Рузманн М., Рузманн В. и других, которые аресту не подвергались либо дела о них прекращены.

Ш., будучи передопрошены, объяснил, что Горский, по его мнению, был настроен антисоветски, не любил коммунистов, травил и гонял кадры, в частности, Стрельникова. Однако Стрельников, как видно из материалов проверки, об антисоветских проявлениях со стороны Горского ничего не показал.

В настоящее время в своих показаниях и объяснениях бывшие научные работники УФТИ академик Ландау, Герой Социалистического Труда, Бриллиантов, Трутень, Ковалев и др. охарактеризовали Шубникова, Розенкевича и

Горского положительно как крупнейших специалистов в области физики.

В ходе проверки дела каких-либо компрометирующих материалов в отношении Шубникова, Розенкевича и Горского не добыто. Одновременно установлено, что Рейхман, принимавший участие в следствии по настоящему делу, осужден за необоснованные аресты советских граждан.

На основании изложенного следует признать, что предъявленные на следствии Шубникову, Розенкевичу и Горскому обвинения являются несостоятельными, а поэтому, руководствуясь статьей 16-й закона о судоустройстве в СССР, союзных и автономных республиках,

ПРОШУ:

Постановление НКВД СССР и прокурора СССР от 28 октября 1937 года в отношении Шубникова Льва Васильевича, Розенкевича Льва Викторовича и Горского Вадима Сергеевича отменить и дело о них за отсутствием состава преступления прекратить.

Приложение: дело № 766025 в одном томе.

Зам. генерального прокурора СССР
полковник юстиции Варской

13 октября 1956 года

№ 22

Верховный суд СССР

Определение № 44-024554/56

Военная коллегия Верховного суда СССР в составе председателя полковника юстиции Костромина, полковника юстиции Либiana, подполковника юстиции Кондратьева, рассмотрев на заседании 11 июня 1956 года протест генерального прокурора СССР,

ОПРЕДЕЛИЛА:

Постановление НКВД и прокурора СССР от 28 октября 1937 года в отношении Шубникова, Розенкевича и Горского отменить и дело о них производством прекратить за отсутствием состава преступления.

Председательствующий

(Костромин)

№ 23

Военная Коллегия
Верховного Суда
Союза ССР
1 июля 1957 г.
№ 4н-024554/56

С П Р А В К А

Дело по обвинению Шубникова Льва Васильевича, до ареста — 5 августа 1937 года — научный руководитель лаборатории низких температур Украинского физико-технического института, пересмотрено Военной коллегией Верховного Суда СССР 11 июня 1957 года.

Постановление НКВД СССР от 28 октября в отношении Шубникова Л. В., отменено, и дело за отсутствием состава преступления прекращено.

Шубников Л. В. реабилитирован посмертно.

Председательствующий Судебного Сослава
Военной Коллегии Верховного Суда СССР
Полковник Юстиции
(А. Костромин)

№ 24

Украинская Советская Социалистическая
Республика

С В И Д Е Т Е Л Ь С Т В О О С М Е Р Т И

1-ЯР № 105985

Гр. Шубников
Лев Васильевич 1901 г.
умер 8 ноября 1945 г. тысяча девятьсот
сорок пятого года
причина смерти порок сердца
о чём в книге записей актов гражданского состояния
о смерти 22 августа за 1937 г. произведена со-
ответствующая запись за № 135
Место смерти: город — селение —
район — область —

Место регистрации Харьков
Кагановичский РайЗАГС
Дата выдачи 1 сентября 1957 года

Заведующий бюро ЗАГС

№ 25

13 июня 1991 года
В Политбюро ЦК КПСС

Заявление гр. Трапезниковой Ольги Николаевны, Старый Петергоф, Ленинград 198904, ул. Халтурина 5, кв. 50

Обращаюсь к Вам с просьбой сообщить мне дополнительные сведения о судьбе и смерти моего мужа Льва Васильевича Шубникова, арестованного в г. Харькове в августе 1937 года.

У меня есть основания предполагать, что Л. В. Шубников умер не в 1945 г., а был расстрелян в Москве в 1937 г. по приказу Ежова и Вышинского.

Очень прошу сообщить мне по вышеуказанному адресу.

О. Трапезникова

№ 26

4 июля 1991 года

Уважаемая Ольга Николаевна!

На Ваше обращение в Политбюро ЦК КПСС от 13 июня 1991 года сообщаем, что Шубников Лев Васильевич, рождения 29 сентября 1901 года, уроженец г. Ленинграда, русский, беспартийный, зав. лабораторией Украинского физико-технического института, был арестован 6 августа 1937 года по необоснованному обвинению в причастности к контрреволюционной троцкистской группе, проводившей подрывную работу в Украинском физико-техническом институте.

По решению Наркома внутренних дел СССР и Прокурора СССР от 28 октября 1937 года Шубников Л. В. был расстрелян 10 ноября 1937 года. Сведений о месте расстрела и захоронения в архивных

материалах, хранящихся в Управлении КГБ, не имеется. Не исключено, что это было в Москве. Свидетельство о смерти Шубникова Л.В. Вам будет выслано отделом ЗАГС Киевского райисполкома г. Харькова.

Начальник подразделения УКГБ УССР
по Харьковской области
(Фомин)

Таким образом, и этот документ не ставит последнюю точку в этой более чем полувековой истории. Сохранились ли документы о самом трагическом периоде жизни ученых? До сих пор неизвестна судьба изъятых при обыске бесценных для истории науки материалов — записных книжек ученых, научной переписки с П. Эренфестом, Э. Вирсмой, В. Кеезомом и другими.

Имеется и ряд общих вопросов: какова связь «дела УФТИ» с партийной чисткой 1934-го года и с политическими процессами, происходившими в стране в эти годы? Насколько удар по фундаментальной науке в УФТИ отражает общие тенденции в научной политике руководства партии и страны в предвоенные годы?

Феномен «харьковской» физики, пережившей фантастический взлет в начале тридцатых годов, который превратил Харьков в один из ведущих физических центров мира, и по сути разгромленной в 1937 г., все шире привлекает внимание историков науки.

Появившаяся в последнее время возможность доступа к архивным материалам, о которой еще недавно исследователи не могли и мечтать, позволит нарисовать объективную картину этого непростого, но очень важного этапа истории отечественной и мировой науки.